

Как видно из рассмотренных примеров, польские аббревиатуры в белорусском языке Белостотчины употребляются без расшифровки, ибо они хорошо известны носителям белорусского языка данной территории. Как известно, прямое заимствование возможно даже при минимальном знании чужого языка. Калькирование при таких обстоятельствах невозможно, так как иноязычные наименования становятся объектами калькирования только тогда, когда у носителя другого языка складывается четкое представление об их мотивированности, а для этого необходимо хорошее знакомство с чужим языком. Поэтому возможность калькирования уже, чем заимствования.

В пределах одной группы языков калькирование в сильной степени ограничено тем, что эти языки (в данном случае белорусский и польский) наряду с общим лексическим достоянием в виде древних по времени возникновения слов, унаследованных от общеславянского языка, имеют много общего в грамматическом строе. Слова, понятные для носителей белорусского и польского языков, безо всякого перевода усваиваются как мотивированные наименования, но не калькируются, а заимствуются. Как было отмечено ранее, наличие мотивировки у восходящего к иноязычному источнику слова обычно является признаком калькирования. Однако при калькировании используется мотивировка иноязычного слова, а его элементы заменяются своими. При прямом заимствовании мотивировка иноязычного слова воспринимается из другого языка той же группы (в нашем случае из польского) вместе со словом как своя.

Анализ польских лексических элементов в белорусском языке Белостотчины показывает, что польские лексические единицы гораздо реже поддаются калькированию, чем прямому заимствованию. Сильно распространившееся на Белостотчине белорусско-польское двуязычие способствует, в первую очередь, прямому заимствованию и тем самым ограничивает калькирование.

¹ Щерб Л. В. О понятии смешения языков. // Языковая система и речевая деятельность.— Л., 1974.— С. 69.

² Его же. Восточнолужицкое наречие.— Петроград, 1915.— Т. 1.— С. 80.

³ При указании на источник иллюстративного материала в статье используются следующие сокращения: Бк.— Беларускі каляндар; Н.— газета «Ніва»; Мрк.— Мой родны кут.— Беласток, 1963.

⁴ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов.— М., 1976.— С. 11.

Л. И. СОБОЛЕВА

СИНЕСТЕЗИЯ ВОСПРИЯТИЯ И СИСТЕМНОСТЬ ЛЕКСИКИ

Денотативный прагматический анализ и направленный ассоциативный эксперимент с глаголами шума позволили четко структурировать данную лексико-семантическую систему. Определены семантические группы глаголов шума, иерархическая структура семантических групп, ядерные слова, обладающие универсальным семным набором и поэтому наиболее частотные в речи (и по экспериментальным данным, и по данным «Частотного словаря русского языка»). Но не существует иерархической семной организации каждого отдельного глагола шума. Индивидуальная семантическая неопределенность и четкая структурированность лексико-семантической системы глаголов шума — следствие неоднородности сигнификативного значения, которое включает психически реальные альтернативные интегральные и градационные дифференциальные семы, вычленившиеся в результате метаязыковой деятельности лингвиста. Различение функционально интегральных и дифференциальных сем условно даже внутри одной лексико-семантической системы: семы, являющиеся интегральными внутри данной лексико-семантической группы и

обуславливающие вариативность номинации с помощью глаголов шума, становятся дифференциальными при сравнении разных семантических групп.

Альтернативные семы глаголов шума (интенсивность, прерывистость, частотность, разность интенсивности) являются универсальными для других сенсорных глаголов и обуславливают соотношение глаголов различных лексико-семантических систем (например, глаголов света и шума) по градационным семам, которые соответствуют степени проявления светового и звукового признака в реальности.

Исследования психологов установили, что «слуховой анализатор, являясь звеном системы пространственной ориентации, тесно связан с остальными ее звеньями, прежде всего с вестибулярным аппаратом, со зрением, с кожной и мышечной активностью. ... Шумовой раздражитель до 130 дБ с переменной частот может вызывать головокружение, а при определенной удаленности предметов от наблюдателя — нарушение их восприятия в виде смещения контуров. ... Звуковые раздражители 90 дБ и более ухудшают остроту бинокулярного зрения. ... При звуковом воздействии 137 дБ обнаружены нарушения горизонтальных движений глазных яблок»¹.

Синестезия восприятия как базовое явление человеческой психики отразилась в лексических системах различных языков, где в одном и том же корне, в одной и той же лексеме содержатся звуковое значение (шире — отражающее воспринимаемое на слух явление) и световое значение (шире — отражающее визуально воспринимаемое явление).² Например: верхнелужицкое *bloboća* — 1. мигать (о свете), 2. бормотать (закататься); верхнелужицкое *libotać* — 1. дрожать, прерываться (о голосе), 2. мигать, мерцать, мелькать³; болгарское диалектное *бляскам* — блистать, блистать, *бляскам* — бить, ударять⁴; словацкое *blink* — дзинь, звяк, *blinkat'*, *blikat'* — мерцать, мелькать; словацкое *blýskavica* — гром и молния⁵.

Можно предположить, что пространственная и временная смежность световых и звуковых явлений, как и синестезия восприятия, обусловили не только сосуществование светового и звукового значений в одной лексеме, но и общие закономерности развития семантики лексем с общим компонентом значения «излучать свет» и лексем с общим компонентом значения «звучать».

Не только историческая семасиология имеет конечной целью объяснение синхронических семантических явлений, но и наоборот: лишь синхронический психолингвистический подход может объяснить скрытые первопричины семантических изменений в языке (особенности отражательной деятельности человеческого сознания). Для констатации основных факторов взаимодействия двух названных лексико-семантических систем проведена серия психолингвистических экспериментов: 1) свободный ассоциативный эксперимент с глаголами шума русского языка и белорусского языка; 2) косвенный «денотативный» прагматический анализ, где шумы должны были называться глаголами свечения; 3) направленный ассоциативный эксперимент с глаголами шума, реакциями в котором могли быть только глаголы с общим компонентом значения «излучать свет». Предъявлено 47 глаголов шума русского языка, опрошено 120 человек.

Анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента позволил определить особенности организации лексико-семантической системы глаголов шума, оперируя с элементами смежной лексико-семантической системы. В таблице 1. зафиксированы характеристики каждого из глаголов шума по четырем признакам:

1. «Разбросанность» реакций определяется процентным выражением отношения числа различающихся световых реакций к общему числу световых реакций. Чем выше цифра, тем больше сем содержит глагол шума, тем неопределеннее его семная структура. Эти «универсальные» лексемы находятся на периферии семантической группы и содержат семанти-

Таблица 1

Признак Глагол	Разбросан- ность	Единичность	Угасание	Источник
звенеть	20	4,2	0	72,6
звонить	26,9	16	3,4	79,7
бряцать	27	13,6	6,8	81
звякать	28	16,7	3,3	77
бренчать	29	15,3	11,2	77,5
лязгать	33,9	20,3	11,9	81
брякать	34,8	18,8	5,8	51,5
дребезжать	36,4	21,5	6,6	76,6
тикать	28,3	11,7	9,2	53
шелкать	30,9	15,4	3,3	55
цокать	32,2	17,4	9,1	77,8
аплодировать	34,6	21,8	0	11,5
хлопать	35	21,4	11,1	66
шлепать	37,4	17,1	16,2	62,7
топать	39	23,2	8,7	58
гудеть	26,7	10,8	7,4	63,3
свистеть	33,6	20,2	6,6	70
трубить	35,7	20	2,8	63
жужжать	37	18,5	12,5	76
пищать	38	19	8,8	74
дудеть	42	29	7	70
зудеть	43,7	29,6	16,7	17
хрустеть	34,7	22,9	10	85,6
царапать	35,3	19,1	6	73
тереть	36,2	21,7	10	29
трещать	36,8	21	10,8	77,4
скрежетать	37,2	21,5	10,6	83
скрести	38,8	29,6	11	48,8
скрипеть	39	18,6	26,2	82,5

ческие признаки, свойственные глаголам шума других семантических групп.

2. «Единичность» реакций определяется процентным выражением отношения числа единичных световых реакций к общему числу реакций. Признак «единичность», несомненно, коррелирует с признаком «разбросанность» реакций, но не является тождественной ему структурной характеристикой. Чем меньше единичных реакций, тем отчетливее признаковая семантическая структура глагола шума в сознании носителей языка. Большое число единичных реакций — следствие компонентной неопределенности лексемы.

3. Признак «угасание» предполагает наличие «отрицательных» реакций, т. е. реакций с общим компонентом значения «переставать светить», например, затухать, гаснуть. (Показатель признака определяется ана-

логично показателям 1,2.) Чем больше таких реакций, тем менее значимой в семантике глагола является сема собственно звучания, тем более значимыми являются семы, возникшие в результате метафоризации исходного значения. (Как ни странно, но признак «угасание» не коррелирует обратно с универсальным для глаголов шума и света семантическим признаком «интенсивность». Ср. по признаку «угасание»: тереть — 10 %, скрежетать — 10,6 %, скрипеть — 26,2 %.)

В звукоподражательных словах, какими в большинстве являются глаголы шума, означаемое и означающее объединены по сходству, поэтому метафоризация стала основным средством переноса значения в этой лексической системе. Чаще всего метафорический перенос происходит на основе анализа эмоционального состояния носителя звука или на основе эмоциональной оценки субъектом номинации носителя звука. Так или иначе почти все глаголы звучания имеют коннотативное значение. Надо отметить не метафоризацию денотатов звуков, а метафоризацию денотатов источников звуков, если имеются в виду глаголы речи. При создании таких метафор, как «жена раскудаhtалась», «тебя облаяли», «маленькая уютная женщина что-то промурлыкала», сопоставляются отдельные свойства денотатов источников звуков, и денотаты рассматриваются всего лишь как носители определяющего метафоризацию свойства. Звук начинает осознаваться не как знак источника в целом, а как знак-индекс этого определяющего свойства денотата источника. Поэтому происходит метафоризация не звукового, а скорее морально-этического, интеллектуального, эстетического признака. (По сути дела, в основе метафоризации звуковых глаголов лежит синекдоха, поэтому возможно нарушение привычной лексической сочетаемости: «наш индюк сегодня что-то расквакался».) Но как бы ни трансформировался в сознании носителей языка денотат источника звука при метафоризации глаголов звучания, именно он является основой и условием создания «звуковых» метафор.

Ономатопеическая лексика — квинтэссенция звуко-символизма. Но, во-первых, двойной звуко-символизм (звуковой оболочки слова в целом и дифференциальных признаков фонемы) может привести к «синестетическому конфликту»⁶, следствием которого является большое число единичных световых реакций в направленном ассоциативном эксперименте; во-вторых, несмотря на то, что в целом звукоподражательные слова имеют отрицательную коннотацию, она более, чем у других слоев лексики определяется составляющими денотативной ситуации: субъектом звучания, субъектом восприятия (пищит цыпленок, пищит ребенок, певица пищит), локальными и временными факторами.

4. Связь с источником звука. Двойственное семиотическое членение глаголов шума, когда слово — знак звука, а звук — знак источника, привело к определяющей роли денотата источника звука в различных лексико-семантических процессах, происходящих в системе глаголов звучания. В процессе прямой номинации при построении высказывания происходит бессознательная актуализация сигматического аспекта плана содержания языкового знака, создается денотативная ситуация в широком смысле: в конечном итоге выбор денотата источника определяет выбор звуковой лексемы. Поэтому симптоматичны результаты свободного ассоциативного эксперимента с глаголами шума: реакции, называющие источник шума, составляют от 48 % до 85 % общего числа всех реакций (см. столбец «источник» в таблице 1.). Хотя связанность с источником — существенная черта лексико-семантической системы глаголов шума, неверно было бы предполагать, что существует смежная с системой глаголов шума лексико-семантическая система источников шума. В открытой совокупности лексических единиц общий компонент значения «способность издавать звук» является предельно периферийным и «навязывается» лексике, распределенной между различными лексико-семантическими объединениями, металингвистическими задачами, адсорбирующей деятельностью сознания.

Результаты направленного ассоциативного эксперимента показывают, что глаголы света и шума соотносятся между собой лишь отдельными семами, причем разные семы одного глагола шума аналогичны семам разных глаголов света и наоборот. Поэтому только 9 глаголов-стимулов из 35 имеют один глагол света в качестве значимой реакции: лязгать — вспыхивать (17 %), шлепать — вспыхивать (17), скрежетать — мерцать (16), стрекотать — мерцать (12), скрести — мерцать (10), скрипеть — светить (12), зудеть — светить (10), трещать — сверкать (11), рокотать — сиять (11 %).

15 слов имеют две значимые реакции: дудеть — светить, блестеть (19 %); грохотать — сиять, сверкать (13); тарыхтеть — светить, мигать (10); брэнчать — мерцать (17), сверкать (12); дребезжать — мерцать (14), сверкать (10); бряцать — мерцать (12), мигать (11); тикать — мигать (15), мерцать (13); пищать — мигать (11), мерцать (10); стучать — светить (13), мерцать (10); цокать — светить (11), искриться (10); жужжать — светить (11), мерцать (10); гудеть — гореть (17), светить (14); греметь — сверкать (14), гореть (10); аплодировать — сверкать (14), вспыхивать (13); хлопать — сиять (13), светить (11 %).

5 слов-стимулов имеют три значимые реакции: хрустеть — искриться, мигать, вспыхивать (10 %); звенеть — блестеть (19), сиять (15), мерцать (13); тереть — гореть (15), блестеть, мерцать (12); гроыхать — полыхать (13), сверкать (12), сиять (11); царапать — искриться (11), сверкать, мигать (10 %).

5 слов-стимулов имеют по четыре глагола света в качестве значимых реакций: звонить — светить (16 %), мерцать (14), сиять (13), блестеть (11); звякать — вспыхивать (13), мерцать, сиять (12); блестеть (10); щелкать — мигать (11), сиять, светить, вспыхивать (10); трубить — светить (15), сиять, сверкать (11), искриться (10); свистеть — блестеть (13), гореть (12), светить (11), сиять (10 %).

Одно слово-стимул имеет пять глаголов света в качестве значимых реакций: брякать — светить, сверкать (12), сиять, мерцать, вспыхивать (10 %). Значимой считается такая реакция, которая составляет не менее 10 % от общего числа реакций на один стимул.

Почти 3/4 глаголов шума вызывают как минимум два глагола света в качестве значимых реакций. Определить корреляцию глаголов света и шума по одной максимальной реакции невозможно, так как более чем в 50 % случаев количественная разница между первой и второй, первой — второй — третьей реакцией составляет лишь 1—2 %. В таблице 2

Т а б л и ц а 2

I	II	III	IV
10	24	14	1
6	15	8	2
6	13	7	3
4	9	5	4
3	6	3	5
1	2	1	6

под цифрой I указано число слов-стимулов (глаголов шума); под цифрой II — общее число разноименных значимых реакций, образующих пары; под цифрой III — число сравниваемых пар реакций. Количество реакций выражено в процентах: звякать — вспыхивать (13), сиять (12). Это значит, что реакция «вспыхивать» составляет 13 % от общего числа реакций на стимул «звякать».

Разница между числом значимых реакций на данный стимул — 1 %. В столбце IV указана разница между числом значимых световых реакций на один стимул. Так как число реакций выражено в процентах, то количественная разница — разность процентного выражения реакций. Если на один стимул дано более двух значимых реакций, то все реакции разбиваются на предельно возможное число пар, и выявляется разница в каждой паре реакций.

Элементарный количественный анализ реакций направленного ассоциативного эксперимента позволил констатировать: 1). Диффузность связи двух семантических систем, которая свидетельствует об отсутствии

одной доминирующей семы в структуре сенсорных глаголов. 2). Наличие у глаголов света и шума универсальных семантических компонентов (интенсивность, прерывистость, частотность, разность интенсивности), которые не являются стабильными, как не является синхронически неизменной иерархическая семная структура лексем. Общее замечание о том, что «статический срез — это функция; это всего лишь вспомогательный научный прием, а не специфический модус бытия»⁷, касающееся динамичности синхронии, объясняет частные явления отдельных языковых уровней. В нашем случае — относительность семной маркированности глаголов шума, выявленную экспериментально. Пример: звонить — светить (16), мерцать (14), блеснуть (13); звякать — вспыхивать (13), мерцать, сиять (12), блеснуть (10); свистеть — блеснуть (13), гореть (12), светить (11), сиять (10). Различия в реакциях между звонить и звякать: светить — вспыхивать; между звонить и свистеть: мерцать — гореть. В слове «звонить» доминирует сема «прерывистость» при его сравнении со словом «свистеть», доминирует сема «непрерывность» при его сравнении со «звякать». Семная структура даже одного лексического значения сенсорного глагола очень динамична. Поэтому, вероятно, имеет смысл отказаться от понятия «иерархическая семная структура» по отношению к глаголам шума (или сенсорным глаголам вообще). 3). Хотя общий набор семантических компонентов одинаков в лексико-семантических системах глаголов света и шума, способы их комбинации в отдельных, соотносящихся друг с другом, лексемах разных систем различны, как различна и степень значимости градационных семантических компонентов, ассоциативно связанных в сознании носителей языка. Надо учитывать степень значимости градационных семантических компонентов не относительно лексем разных систем (свет — шум), а в лексеме каждой из систем относительно других градационных сем данной лексемы. Последнее названное отношение должно быть аналогичным в семантически соотносящихся лексемах света и шума. В этом и заключается универсальность семной структуры глаголов двух лексико-семантических систем.

¹ Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. — М., 1983. — С. 128.

² См.: Супрун А. Е. Белорус. диал. жураць «пригорать, обугливаться» — бълг. диал. жура «печь, жарить, зажигать» // Бюлетин за съпоставително изследване на българския език с други езици. — София, 1976. — Брой 5. — С. 74; Толстая С. М. Фонетические наблюдения над ономатопеическими образованиями с суффиксом * ot в верхнелужицком // Исследования по славянскому языкознанию. — М., 1971. — С. 273.

³ См.: Толстая С. М. Указ. работа.

⁴ См.: Этимологический словарь славянских языков. / Под ред. О. Н. Трубачева. — М., 1975. — Вып. 2. — С. 116.

⁵ См.: Коллар Д., Доротьякова В., Филкусова М., Васильева Е. Словацко-русский словарь. — Москва; Братислава, 1976.

⁶ См.: Якобсон Р. О. Избранные работы. — М., 1985. — С. 90.

⁷ Там же. — С. 130.

А. К. КИКЛЕВИЧ

АССОЦИАЦИЯ, СОЧИНЕНИЕ, ПАРАТАКСИС

В психолингвистике принято, что в ассоциативном поле представлено два типа реакций: синтагматические и парадигматические. Ассоциации первого типа устанавливаются между единицами разных грамматических классов и могут быть развернуты в синтагму, например: *rozkaz — wojskowy, rozkaz wojskowy*. Ассоциации второго типа образуются внутри одного грамматического класса (*góra — dół*)¹. Подсчитано, что, например, для польского языка парадигматические реакции в целом составляют 56 %, а для стимулов-существительных 77 %, т. е. большинство от числа всех реакций.

Указанное противопоставление ассоциаций синтагматического и парадигматического типа не может быть, однако, признано удовлетвори-